

О странном журнале, его талантливых сотрудниках и московских пирах

Из моих записок

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993. -- 559 с.

OCR Ловецкая Т. Ю.

На отдаленном от центра Москвы Новинском бульваре, близ особняка Шаляпина, стоял старинный деревянный домик в три окошечка. Вот уж никак нельзя было подумать, что в этом домике ютится редакция богатейшего, роскошного художественного и странного журнала. Журнал этот был "Золотое руно"¹. Оказалось, что домик, будучи по фасаду в три окошечка, в глубину был довольно поместительный и в нем кроме ряда комнат был уютный салон, в котором раза два в неделю по вечерам собирались люди, близкие журналу.

Люди особенные: поэты Валерий Брюсов, Андрей Белый, Макс Волошин, Любовь Столица; приезжавшие из Петербурга Ремизов, поэт Михаил Кузмин; группа молодых тогда художников: чудесный талант Н. Сапунов, Павел Кузнецов, Арапов, Ларионов, изысканный Милиоти, Феофилактов. Последнего "открыл" мой друг Модест Дурнов², очень талантливый архитектор-художник, который часто говорил: "Люблю красивых и талантливых людей".

Сам Модест был изящен, очень элегантен, отлично одетый, умный, смелый почти до дерзости; чуть-чуть по-японски подтянуты углы карих глаз, волнистые черные волосы, хороший рост, весь облик его был очень заметный. Часто встречал его на Кузнецком мосту, этой сердцевине Москвы, стоящим около Садовниковского пассажа с красивым плюшевым экипажным пледом на руке в "шикарный" час, когда вся нарядная и именитая Москва на Кузнецком, и остро-зорко глядящим японскими глазами на московских красавиц.

Он немного построил зданий, но то, что построил, оригинально очень. Его вокзал в Муроме совсем неожиданная вещь и менее всего железнодорожная. Какая-то фантастика даже в нем есть. Это было смело. А в Москве он построил театр "Омон", оригинальный чрезвычайно, и, если бы театр был доведен до конца, была бы красивейшая отметина в московском новом строительстве. Но у "Омона" не хватило денег, и здание осталось вчерне -- в кирпиче. А я видел у Модеста чудно написанный акварелью проект фасада театра. Весь он должен быть очень цветной, покрыт керамической блестящей облицовкой, а по бокам огромного полукруглого входа два панно -- женщины в танце, тоже керамика. Самый вход должен быть по проекту залит морем огня, как ад. Театр-то ведь был кафе-шантан. Модест очень жалел, что не удалось довести до конца смелую и красивую свою затею.

Был он и поэт, его немногие напечатанные стихотворения своеобразны и жутки. Брюсов, Бальмонт считали его своим, ценили, а Бальмонт свою книгу "Будем как солнце" среди других посвящает и "твердому, как сталь, Модесту Дурнову"³.

А в своей квартире, которую он устроил в доме, им же построенном для друга своего Данилова, прокурора суда, в Левшинском переулке, самая большая комната была туалетная, зеркальная, так что видишь себя в ней со всех сторон, сильный свет ламп в ней, а стол полон всевозможными туалетными приборами и парфюмерией. И почему-то у него стояли всегда увядшие гвоздики на столе. Мастерская была уже меньше, а столовая и совсем маленькая.

Так-то вот и жил Модест Дурнов. Теперь его уже нет. Я любил бывать с ним, любил бывать у него. Всегда было с ним интересно. Очень выражена была его общая талантливость, а это ведь так притягивает. Дружили мы с ним со школьной скамьи. Великолепный акварелист-мастер, член нашего славного Союза русских художников и всегдашний участник его выставок. Отличный портрет акварельный Бальмонта написал он.

Где-то увидел Модест рисунки какого-то безвестного автора, они его очень заинтересовали. Оказалось, что рисовал их какой-то юный писец на почтамте. Дурнов разыскал его и изъясил из почтамта. Это и был Феофилактов. Как-то быстро совершилось превращение из почтамтского человека в "сверхэстета". На лице появилась наклеенная мушка, причесан стал как Обри Бердслей⁴, и во всем его рисовании было подражание этому отличному, острому английскому графику. Сильно проявлен и элемент эротики, как у Бердслея. Эротика была главенствующим мотивом в рисунках Феофилактова. Облик его был интересен. Он все старался держаться к людям в профиль, так как в профиль был похож